

О.Н. Литвинова
*Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского*

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПРОВАЛА НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОГО РЕГИОНА)

В статье на основе архивных материалов рассмотрены причины безуспешных действий немецкой администрации по подавлению партизанского движения на Брянщине в 1941–1943 гг. Опровергаются тезисы о вынужденной безжалостности оккупантов к местному населению и лояльности последнего к ним. Главной причиной провала немецких мероприятий было отсутствие гибкости действий, вызванной человеконенавистнической идеологией, которой должны были придерживаться руководители контрпартизанской борьбы. Отсюда ставка на неоправданную жестокость, которая проявлялась во всех методах, используемых оккупантами, неумение использовать ошибки, совершаемые партизанами и их советскими руководителями. Наибольшую трудность для партизанского движения представляли попытки немецкой администрации отрезать его от снабжения и связи с местными жителями, в то время как карательные операции, создание коллаборационистских подразделений, ягдкоманд, пропагандистские и иные мероприятия не сыграли существенной роли.

Великая Отечественная война, Брянский регион, партизанское движение, коллаборационизм, контрпартизанские операции, пропаганда.

Одной из наиболее дискуссионных тем в историографии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны традиционно является контрпартизанская политика гитлеровской Германии на оккупированной территории СССР. При этом оценки немецких мероприятий и их влияния на борьбу в тылу врага кардинально разнятся и нередко подвергаются историческим фальсификациям, особенно в современной литературе. В самых общих чертах можно выделить два ключевых подхода к данной проблеме. Первая позиция состоит в том, что партизанское движение было следствием целенаправленной работы и широко развернулось в самом начале войны, а немецкое командование своими неправомерными и жестокими действиями только усиливало деятельность народных мстителей. Так, советские исследователи, как правило, считали, что партизанское движение было организовано советскими и партийными органами власти, а зверства, чинимые оккупантами, способствовали увеличению количества подпольщиков, доказывая простому населению необходимость борьбы с врагом [14; 17]. Современные российские ученые большее значение придают работе спецслужб в организации борьбы в тылу вражеских войск, при этом придерживаясь сходного мнения в отношении жестокостей оккупационных властей [5]. Эту точку зрения разделяют и некоторые зарубежные исследователи, которые пишут о неправильной политике оккупантов [50, р. 282], что «в условиях горького разочарования местного населения создало партизанам все предпосылки для расширения масштабов своей борьбы» [16, с. 149].

Вторая позиция, напротив, состоит в том, что партизанское движение практически не представляло

угрозу немецким войскам в 1941 г. [46, р. 70–71], а, следовательно, политика оккупантов первоначально не отличалась жестокостью. Ее ужесточение было ответной мерой на действия партизан, которые «подстрекали к неповиновению и терроризировали хорошо настроенное по отношению к немцам мирное население» [31, с. 203]. Более того, в современной зарубежной [48; 49] и отчасти отечественной историографии [10; 11; 13] все ярче проявляется тенденция, отрицающая зверства оккупантов на советских территориях либо считающая их рациональным ответом на сопротивление населения. Ученые, придерживающиеся данной точки зрения, писали о коллаборационизме советских граждан как о попытках защититься от деятельности партизан, считая последнюю малоэффективной, неоправданной и разрушительной в первую очередь для находящегося в оккупации населения [51, р. 94]. При этом авторы подобных трудов нередко подменяли понятия и исходили из изначально-го посыла о ложности документов, созданных самими партизанами в противовес источникам, возникшим в результате деятельности немецкой стороны. В частности, в качестве истины в последней инстанции были использованы показания пленных партизан и перебежчиков, а также отчеты их противников в лице немецкой оккупационной администрации или коллаборантов. Осознавая высокую степень субъективности источников обеих сторон, как партизан, так и их противников, необходимо сосредоточиться на объективной критике существующей документальной базы с целью выявления всей сложности отношений в истории оккупированных территорий СССР, не приукрашивая фактов и не отрицая очевидного, в частности, жестокостей оккупационного режима, которым нет и не может быть

оправдания. По справедливому замечанию В.В. Путина, противостояние попыткам фальсификации истории Второй мировой войны должно основываться на аргументированной правде: «Наглому вранью и попыткам переиначить историю мы должны будем противопоставить факты» [12]. Несмотря на то что негативные действия немецкой оккупационной администрации достаточно хорошо задокументированы и описаны в исторической литературе [2; 21; 44], в условиях борьбы с переписыванием истории вопрос о взаимовлиянии партизан и оккупантов требует отдельного рассмотрения на конкретном историческом материале отдельных регионов нашей страны.

Благодаря совокупности целого ряда факторов (географическое положение на стыке трех советских республик, смешанный национальный состав населения, наличие важных транспортных узлов, сложная военно-политическая обстановка и др.) одним из ключевых регионов ожесточенной борьбы в тылу врага стала Брянщина. Эта территория, с одной стороны, была связующим центром российских, украинских и белорусских партизан, а с другой стороны, фактически явилась испытательным полигоном для проведения мероприятий оккупантов. В этой связи изучение взаимосвязи оккупационной политики и партизанского движения в данном регионе представляет особый интерес, так как позволяет выявить основные причины и закономерности провала контрпартизанской борьбы немецкого командования.

Территория Брянщины была захвачена гитлеровскими войсками в ходе Московской битвы к середине октября 1941 г. и находилась под властью оккупантов почти два года. За это время оккупационные власти успели протестировать в данном регионе различные методы эксплуатации и подавления сопротивления населения: от карательной политики до организации коллаборационистских подразделений и территорий. Однако как местное советское подпольное руководство, так и партизаны постепенно приспосабливались к постоянным изменениям условий борьбы в тылу врага и избежали полного уничтожения. Более того, несмотря на определенные трудности организации партизанского движения в начале оккупации [19], после небольшого периода адаптации партизаны стали наносить существенный военный и психологический урон противнику и тем, кто сотрудничал с ним. Район Брянских лесов, по свидетельству К. Типпельскирха, еще в период Московской битвы был одной из больших партизанских областей, которые «планово создавало и поддерживало русское командование в тылу армии “Центр”» и которые «требовали постоянной борьбы с ними» [31, с. 203–204]. Естественно, такое положение вызвало появление различных указаний по борьбе с сопротивлением, созданных немецкими военачальниками, как правило, без учета международных правил ведения боевых действий и реального состава партизанских отрядов.

Война в тылу врага имела свою специфику, поскольку подавляющее большинство ее участников были бывшими гражданскими без значительного боевого опыта. Так, по данным Брянского штаба партизанского движения, в середине осени 1942 г. из 27 тысяч укомплектованных партизан только около 4 тысяч (15 %)

составляли военнослужащие, остальные же приходились на мирное население [33, л. 119]. Среди тех отрядов, которые не имели связи со штабом, скорее всего, процентное соотношение тоже было в пользу гражданских. Так, командование Клетнянского партизанского отряда свидетельствовало, что он пополнялся главным образом за счет местных колхозников, рабочих и служащих, до 60 % из которых составляли невоеннообязанные [42, л. 200]. Основной задачей многих людей было выживание в условиях жесткого оккупационного режима, а не столько военные или идейные соображения. Местное население лишилось привычной жизни и оказалось в экстремальной ситуации ежедневного страха, когда оккупанты могли уничтожить без всякого повода, просто в силу своего «расового превосходства». При этом усердное выполнение приказов оккупационных властей не всегда спасало от расправ. Как следствие, значительная часть людей предпочла сражаться в партизанских отрядах или помогать подпольщикам, что придавало смысл существованию и давало шанс выжить на оккупированной территории, уничтожив тех, кто угрожал их жизни. Таким образом, партизанская война приобретала личностное измерение и становилась борьбой не только за сохранение государства или существующего строя, но и за спасение своих семей, домашнего очага, имущества, привычного быта. Немцы рассчитывали своей карательной политикой против родных и близких партизан отпугнуть население от участия в этой борьбе и действительно воздействовали этим на неустойчивые элементы, которые высказывали сомнения, фиксируемые работниками НКВД в отрядах: «Зачем мы будем партизанить, когда наши семьи немцы и полиция будет громить» [43, л. 71]. Но партизанская борьба позволяла взять социальный реванш за унижение в оккупации, мешала нацистам безнаказанно терроризировать население, давала возможность отомстить. Именно к мести взывала как официальная пропаганда, доставляемая в отряды с Большой земли, так и листовки самих партизан [25, с. 340]. Местные жители не только сражались с оружием в руках, но и нередко оказывали существенную помощь в снабжении отрядов: «...бейте гитлеровских мерзавцев, мы вам всегда поможем любыми продуктами питания и людьми» [33, л. 3]. Оккупанты устраивали массовые расстрелы мирных жителей по подозрению в сотрудничестве с партизанами, что только увеличивало градус противостояния на оккупированных территориях, вело к увеличению как организованного, так и стихийного партизанского движения, появлению так называемых «диких партизан», которые «вели самостоятельную борьбу в определенном районе» и «не считались ни с какими правилами ведения войны» [16, с. 148]. В таких экстремальных условиях практически невозможно было управлять всей массой народных мстителей, придать борьбе исключительно контролируемый и целенаправленный характер, что пыталось сделать советское командование. Но и немецкому руководству не удалось предложить эффективной контрпартизанской тактики без нарушения правил ведения военных действий.

В современной военной науке партизанское движение принято рассматривать как одно из основных

средств асимметричной войны в условиях превосходства противника. При этом обе стороны конфликта способны применять запрещенные с точки зрения международного гуманитарного права средства ведения боевых действий как для организации партизанских мероприятий, так и для борьбы с ними. Стоит отметить, что в период военной оккупации территории СССР данная отрасль права еще не сложилась в ее современном виде, поэтому представления о законности тех или иных методов войны были весьма различными. Так, немецкая сторона могла апеллировать к нарушению советскими партизанами Гаагской конвенции о законах и обычаях войны, но Советский Союз не был юридическим правопреемником подписавшей эти конвенции Российской империи и не ратифицировал последующие Женевские соглашения в этой области. Поэтому ни советская, ни немецкая стороны борьбы на оккупированных территориях не могли в полной мере руководствоваться в своем противостоянии международными юридическими документами. Как оккупационная администрация, так и советские подпольные партийные и государственные органы считали законными только свои распоряжения и наказывали за их неисполнение. Вопрос стоял в пренебрежении принципами доказательности и виновности при вынесении наказаний и соразмерности этих наказаний, нередко превышающей допустимый предел и далеко не всегда оправданной с моральной точки зрения. Но если принять во внимание тот факт, что нападение на СССР состоялось в нарушение имевшихся договоренностей, то распоряжения оккупационной администрации вряд ли могли быть признаны легитимными для многих советских граждан, а содержание документов, регламентирующих так называемую «новую политику», базировалось на антигуманной чужденноненавистнической идеологии. Противостояние на оккупированных территориях было скорее идеологическим, чем юридическим. Задачей пропагандистской войны было очернение противника и придание легитимности своим действиям в глазах комбатантов и местного населения. Поэтому немецкое командование в документах, сопровождающих контрпартизанские мероприятия, называло партизан бандитами [30, с. 395], пополняющимися насильственным путем в первую очередь по причине того, что на подконтрольных вермахту территориях «местным жителям городов нечего есть» и они перестали «верить в силу германской армии» (Там же, с. 399).

«Новая политика» гитлеровских властей прошла определенную эволюцию в течении 1941–1943 гг., но на протяжении всего этого периода она продолжала основываться на антигуманных постулатах. В частности, это нашло свое отражение в изданном за подписью В. Кейтеля накануне вторжения в СССР Указе Верховного главнокомандующего вермахта о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск, который предусматривал беспощадное уничтожение «с применением крайних мер» партизан и гражданских лиц, осуществлявших нападение на оккупантов, и «массовые насильственные меры» без установления конкретных виновников [23, с. 288–290]. В то же время в отношении немецких военнослужащих возбуждение преследования за действия,

совершенные по отношению к гражданским лицам, объявлялось необязательным. Однако гитлеровское командование явно не рассчитывало столкнуться с масштабной партизанской борьбой, поскольку не подготовило конкретных военных инструкций против борцов с новым оккупационным порядком. В результате, когда вермахт уже в начале войны столкнулся с серьезным сопротивлением партизан [47], это привело к замешательству и отсутствию каких-либо эффективных контрпартизанских действий. Сопротивление оккупированного населения стало важным фактором, влияющим на замедление продвижения немецких войск в ходе наступления на Московском и иных направлениях. Об этом, в частности, свидетельствовал Г. Гудериан, который называл действия партизан «все более неприятными» и требовавшими «принятия решительных контрмер» [16, с. 195].

По мере затягивания военных действий сопротивление только увеличивалось и в результате, согласно официальным советским данным, с середины 1942 г. для борьбы с партизанами отвлекалось до 10 % немецких сухопутных войск, находившихся на советско-германском фронте, а к 1943 г. партизанское движение сковало около 25 дивизий действующей армии вермахта [6, с. 597], помимо полицейских соединений и вспомогательных частей. Такие затраты ресурсов требовали скорейшего подавления сопротивления в тыловых районах. Однако оккупанты, как ни пытались использовать различные, главным образом силовые методы, так и не смогли подобрать ключ к решению этой проблемы. В результате сражения на оккупированных территориях становились не менее ожесточенными, чем непосредственно на фронтах Второй Мировой войны, что, в свою очередь, повышало градус сопротивления.

Спонтанность партизанских действий, умение партизан приспособиться к текущему моменту привели к тому, что в существующей практике подавления населения оккупированных территорий не было типичной для немцев систематичности, указания были противоречивыми, оторванными от реальности, не всегда успевали за ситуацией в тылу. В первые месяцы войны оккупанты не уделили должного внимания растущему партизанскому движению, рассчитывая, что оно прекратится после успеха блицкрига. Поэтому первая «Директива по борьбе с партизанами» от Главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала фон Браухича вышла как раз в период оккупации Брянщины – 25 октября 1941 года. Но она содержала только общие неконкретные положения: соблюдение стандартных мер безопасности, вылавливание всех беженцев и советских солдат, отставших от своих частей, а также привлечение органов контрразведки к участию в предстоящих операциях против партизан [9, с. 154].

Отдельные немецкие командующие, например Манштейн, пытались организовать борьбу с партизанами в своем тылу, но их меры носили локальный характер и не повлияли на сдерживание партизанского движения, а этот опыт не получил широкого распространения. В августе 1942 года была предпринята общевойсковая попытка организации ягдкоманд, которые должны были «подражая партизанам и приспособ-

сабливаясь к местным условиям, подойти как можно ближе к противнику, внезапно его атаковать и уничтожить» [3, с. 297]. Эта инициатива не была успешной. По крайней мере, на Брянщине она не получила широкого распространения, поскольку как партизаны в своих воспоминаниях и отчетах практически не упоминают о встрече с такими подразделениями, так и их противники в своих документах, как правило, также обходят стороной вопрос об эффективности такой тактики. В воспоминаниях немецких солдат и офицеров практически не встречается сюжетов, описывающих их опыт участия в ягдкомандах, а упоминания о контрпартизанской борьбе в основном сводятся к описанию типичных карательных экспедиций. По всей видимости, инициатива командования ограничилась намерениями как минимум до зимы 1942–1943 гг., но и там, где ягдкоманды организовывались, они были немногочисленны, чтобы представлять серьезную угрозу для партизан. Несмотря на хорошую экипировку и повышенное вознаграждение за участие в контрпартизанской борьбе, большинство военнослужащих не горели желанием идти в лес к партизанам, так как это означало верную смерть, особенно при отсутствии поддержки населения. К тому же было трудно найти «хорошо проверенных и надежных» (Там же) местных жителей, которые могли бы послужить проводниками, так как немцы не обладали знаниями особенностей местности. Оккупанты и сами признавали ненадежность местного населения: «Их сведения о численности противника и о его потерях обычно бывают сильно преувеличенными, а о времени его действий – часто неверными. Очень часто такие донесения составляются под воздействием самих партизан...» (Там же, с. 283). Нередко пособники оккупантов сбегали к партизанам и пополняли их ряды [42, л. 203]. Подразделения коллаборантов, в частности Русская освободительная народная армия, характеризовались слабой подготовкой и невысокой дисциплиной, занимались грабежом и насилием над мирным населением [18, с. 104]. Предпринимались попытки создания лжеотрядов из коллаборационистов, которые должны были скомпрометировать партизан. Так, в поселок Новинск на Брянщине «приезжала полиция под видом партизан», которая забирала домашний скот, но местных жителей провести не удалось [24, с. 50]. В итоге ни ягдкоманды, ни ложные партизанские отряды не получили широкого распространения ввиду недоверия населения и опасности нахождения в них самих оккупантов. Внедрение агентов в партизанские отряды встретило отпор и разоблачение как со стороны самих партизан [1, с. 199], так и со стороны специально созданных для этого ячеек НКВД [37, л. 40–41]. Немецкие агенты пытались выяснить численность партизан, проникнуть в их планы, вели антисоветскую пропаганду, сея смуту в чувствах простых людей. Но это достаточно стремительно пресекалось. Так, боец отряда им. Лазо Суслин был арестован за то, что «высказывался о крахе партизанских отрядов, о победе фашизма» [33, л. 54]. Неустойчивые люди периодически переходили от партизан к коллаборантам и обратно, но такие случаи не были массовыми, особенно в первом направлении.

Полученный немецкий опыт подавления сопротивления должна была синтезировать Обобщающая

директива «Боевые инструкции по борьбе с партизанами на Востоке» верховного командования германских вооруженных сил, которая появилась 11 ноября 1942 года. Однако ничего нового, кроме ужесточения политики на оккупированных территориях, данная инструкция предложить не смогла. По мнению генерал-майора фон Бутлер-Бранденфельса, она оказалась малоэффективной и не смогла «предотвратить расширение действий партизан» [9, с. 198]. Выбор наилучших тактических приемов в борьбе против партизан все еще продолжал зависеть от изобретательности, проявляемой в каждой отдельной воинской части. Но немецкое командование продолжало верить в жесткость как единственный путь преодоления партизанского движения.

16 декабря 1942 г. Верховное командование вооруженными силами издало директиву о «борьбе с бандами» за подписью Кейтеля. В ней призывалось вести борьбу с партизанами «самыми жестокими средствами» и давался полный карт-бланш на антигуманные действия: «войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху» [28]. Однако это была констатация имеющихся фактов, поскольку такая политика уже повсюду применялась, в частности, на оккупированной территории Брянщины. Так, в докладной записке от 1 августа 1942 г. в Центральный штаб Партизанского движения сообщалось, что оккупанты заняли и сожгли 167 населенных пунктов, где расстреливали и зверски издевались над населением, в том числе над женщинами и детьми. Эффект от таких действий был скорее обратным: «Местное население уходит в леса и присоединяется к партизанам...» [36, л. 23]. Вместо запуганных людей гитлеровцы обретали еще более ожесточенных мстителей. Правда, не все немецкие командующие стремились претворить данные указания в жизнь. Например, командование 1-й Клетнянской партизанской бригады, описывая одну из карательных операций, отмечало, что вражеский генерал «вел войну с нами по армейскому уставу, а в партизанской войне он ничего не понимает...» [25, с. 335].

Только к 1944 году под влиянием существенных поражений от советской армии гитлеровцы осознали необходимость изменения контрпартизанской тактики. 1 апреля было введено новое руководство для оккупантов «Боевые действия против партизан». В нем было проведено некоторое смягчение политики, была сделана ставка на широкое привлечение местного населения для самостоятельной борьбы с сопротивлением в немецком тылу и предусматривалась необходимость поддерживать нормальные отношения с жителями оккупированных областей, чтобы способствовать этому [3, с. 271–299]. Хотя к тому времени Брянский регион был уже освобожден советскими войсками, гитлеровцы в основу данного руководства положили тот опыт борьбы с партизанами, который был приобретен на Брянщине.

Немецкому командованию нередко приходилось импровизировать, так как крайне сложно было создать конкретные систематизированные инструкции по борьбе с массовым партизанским движением ввиду

непредсказуемости последнего. Поэтому значительная часть мероприятий сводилась к охранам или карательным. Квинтэссенция контрпартизанской борьбы была сформулирована в выступлении по радио 6 июля 1943 года генерала Диттмара: «В сложившейся обстановке... приходится ограничиваться охраной наиболее важных объектов и проведением время от времени карательных экспедиций...» [9, с. 190–191]. А наставление «Боевые действия против партизан» уточняло: «охране подлежит все, что представляет важность для ведения войны» [3, с. 299]. Однако на деле осуществить это было практически невозможно. Партизаны могли совершить неожиданное нападение практически на любой объект в любом населенном пункте, поскольку отряды были разбросаны по всей территории региона, применяли как мелкие группы, так и крупные соединения. При всем желании немцы имели ограниченные людские ресурсы, чтобы обеспечить квалифицированную охрану всей захваченной ими инфраструктуры, и не могли предугадать партизанских действий. Пока одно подразделение залечивало раны в лесу, другое начинало тревожить немцев там, где их не ждали. Оккупантам постоянно приходилось концентрировать и перебрасывать свои части, но за время их переброски партизаны переходили в другой район или передавали инициативу другим отрядам. В результате партизаны могли проводить такие смелые и масштабные операции, как взрыв Голубого моста в марте 1943 г., что задержало переброску немецких подкреплений почти на месяц и оказало существенное влияние на ситуацию на фронте. Немцы просто не могли предугадать направления главного партизанского удара.

Памятуя о том, что лучшая защита – это нападение, командование вермахта пыталось решить проблему проведением карательных экспедиций. Масштабность данных операций зависела от количества имеющихся войск. Как правило, наиболее массовые операции проводились в период переброски подкреплений на фронт, когда тыловое руководство пыталось использовать проходящие через их территорию части в своих интересах. Наиболее крупные карательные операции были произведены в период подготовки к Сталинградской и Курской битвам. Нацисты хотели количественно подавить регионы наиболее интенсивного партизанского движения в брянских лесах. Так, к концу мая 1943 г., в ходе операции «Цыганский барон», используя около 30 тыс. человек и авиацию [25, с. 335], немцам удалось сократить территорию Брянского партизанского края по фронту до 18–20 км, а в глубину до 7–8 км [20, с. 52]. Прочесывая леса и применяя карательные меры в населенных пунктах, оккупанты уничтожали базы партизан и старались подорвать их связи с местными жителями, привлекая к этому полицию и войска союзников [36, л. 23]. Последние не отличались надежностью и нередко переходили на сторону народных мстителей [22, с. 158–159; 29]. Несмотря на большие потери среди мирного населения и партизан, а также сокращение площади контролируемых ими территорий, немцы не смогли достичь главной цели – безопасности тыловых коммуникаций, а количество сочувствующих партизанскому движению только увеличивалось за счет род-

ственников и знакомых погибших. В итоге немецкие части уходили на фронт, численное преимущество нивелировалось и все возвращалось на круги своя. Пользуясь эффектом внезапности и поддержкой населения, партизанские отряды прорывались из окружения, восстанавливали свою численность и продолжали вести активные боевые действия. По свидетельству немецкого генерала Борнеманна, с момента оккупации Брянщины и по май 1943 г. «попытки истребить партизан ни разу не имели успеха, а только большие потери. Партизаны продолжали занимать огромное пространство за спиной второй танковой армии...» [20, с. 16]. Таким образом, чтобы уничтожить партизан, обычных военных методов было недостаточно, они имели только временный эффект и приводили к новому подъему сопротивления. По справедливому замечанию Ч. Диксона и О. Гейльбрунна, «когда немцы приступили к искоренению отрядов террористическими методами, они только подлили масла в огонь, и количество отрядов возросло...» [9, с. 137].

Но у партизанского движения была как минимум одна ахиллесова пята – слабое снабжение. Ресурсы оккупированных территорий были крайне ограничены, к тому же подвергались периодическому разграблению со стороны вермахта. Помощь со стороны советского командования не могла быть регулярной из-за недостатка или «отсутствия авиатранспорта», который не справлялся «даже с переброской в тыл вооружения, боеприпасов и продовольствия для действующих партизанских отрядов» [33, л. 99]. Организованный в мае 1942 г. Центральный штаб партизанского движения и его предшественники не в полной мере контролировали брянских партизан ввиду их относительной удаленности от линии фронта. В приказе партизанам о подготовке к зиме 1942 г. прямо говорилось, что «нельзя рассчитывать на снабжение отрядов из советского тыла» [35, л. 2]. Отдельные отряды вообще не получали никакой помощи за весь период войны [42, л. 204]. Центральное советское руководство не вполне понимало все нюансы партизанской борьбы и имело сравнительно небольшой опыт организации сопротивления в тылу врага. К тому же приходилось вновь завоевывать авторитет оказавшегося в оккупации населения, потерянный в ходе отступления 1941 г., когда «партийно-советский актив распался кто-куда» и в отдельных районах «никого из бывших работников районных организаций для ведения подпольной партизанской борьбы... не осталось» (Там же, л. 108). Указания партизанам, шедшие от центральных и местных органов с первых дней войны, были противоречивыми, непоследовательными, а порой даже вредными [3, с. 257]. Командование плохо представляло партизанскую войну и нередко рассматривало партизан как вспомогательные армейские части, требуя от них «организации активных действий против противника с целью не дать ему укрепиться» [38, л. 8] или даже прямого участия в обороне городов, как, например, предписывала директива Орловского обкома ВКП(б) [25, с. 53]. При этом далеко не всегда уделялось должное внимание снабжению отрядов. Вести боевые действия без боеприпасов, продовольствия и медикаментов представлялось крайне сложным. Тем не менее, партизанские отряды актив-

зировали действия, чтобы добыть все необходимое либо обезопасить и увеличить свои продовольственные базы путем расширения партизанских краев и зон. Постоянные налеты и угрозы нападения сильно подрывали моральный дух немецких войск, которые видели в каждом жителе потенциального партизана. Это вызывало жажду уничтожения всего, что могло представлять опасность, и способствовало той звериной жестокости, которую проявляли оккупанты и их пособники.

Иррациональное соседствовало с рационализмом. Осознавая проблемы со снабжением партизан, немецкое командование стремилось лишить их всего необходимого путем угроз или физического уничтожения материальных баз. Так, по сообщению партизан в Клетнянском районе Орловской области оккупанты их «решили уничтожить голодом... они выжгли все деревни, а жителей угнали в концлагеря в Германию...» [25, с. 335]. Это имело двойные последствия. С одной стороны, местные жители, опасаясь жестокостей, пытались укрыться в лесах, присоединяясь к партизанам. С другой стороны, народные мстители теряли базы снабжения и получали большое количество гражданских лиц, которых было необходимо содержать в тяжелых условиях партизанского быта. Партизаны по возможности справлялись с этой задачей. Например, отряд им. Ворошилова оказывал материальную помощь продуктами 21 семье красноармейцев и партизан [43, л. 79], раздавал пшеницу колхозникам [40, л. 89–94]. Отряд им. Щорса снабжался крестьянами на основе добровольного «побора» по буханке хлеба со двора и взамен делился с ними отбитым у немцев имуществом [1, с. 159]. Все это привлекало население к партизанам. Немецкое командование категорически запрещало помогать народному сопротивлению, подвергая штрафам, физическим наказаниям, лишению свободы и смертным казням [18, с. 206]. Однако советскому народу, пережившему трудности продразверстки и проблемы коллективизации, удавалось утаить часть продуктов и необходимых вещей, чтобы поделиться с партизанами. Сами партизаны также старались не трогать имущество гражданских, подвергая реквизиции «урожай, только принадлежащий семьям ушедших... в полицию» [33, л. 24].

Тем не менее, немецкие контрпартизанские мероприятия по ограничению снабжения партизан имели определенный успех, и порой отряды оказывались в катастрофическом положении. Так, комиссар отряда «За Родину» сообщал, что его подразделение в течение двух месяцев не могло пополнить продовольственный запас и «...отряд находится в тяжелом положении в части питания...» [43, л. 127–128]. Партизанский отряд им. Ворошилова в августе 1942 г. сообщал об отсутствии продовольственной базы и успехах в заготовке продуктов (Там же, л. 79). Не лучше было и положение с одеждой. В партизанских отрядах Выгоничского района большинство бойцов были «одеты плохо, некоторые даже не имеют обуви» [34, л. 136]. Это ухудшало политико-моральное состояние среди бойцов. Отдельные неустойчивые партизаны или провокаторы вели разговоры о переходе в полицию, где «дают яйца, масло, мед, спирт и табак, а у нас здесь нет никаких привилегий» [43, л. 29–30]. В таких экстремальных условиях партизанские отря-

ды иногда вынуждены были прибегать к реквизициям у местного населения, подрывая основы партизанского движения. Так, отдельные бойцы отряда им. Щорса в деревне Павловка требовали у жителей табак, яйца, масло, выдавая себя за парашютистов, или взяли в поселке Михайловском муку и крупу, принадлежащую простым гражданам, и тем самым «вызвали недовольство среди населения» [34, л. 137]. Партизаны отряда им. Баумана для снабжения могли забрать у крестьян посевное зерно [33, л. 24].

Такие насильственные действия, вызванные уостью продовольственной базы, ограниченной оккупантами, могли вести к противоречиям между отрядами. Так, командир партизанского отряда им. Лазо избил партизана Навлинского отряда, за то, что тот заготавливал продукты для семьи в деревне Никольское (Там же, л. 53). А зам. политрука отряда самообороны села Смелиж грозился вызвать Харьковский отряд, чтобы воевать с Ворошиловским, когда последний занялся реквизицией продуктов у населения (Там же, л. 1–3).

Таким образом, голод, спровоцированный действиями оккупантов, становился главным врагом партизан. Но, как центральное командование, так и местное руководство партизанских отрядов стремилось пресекать на корню негативные явления (мародерство, насилие, столкновения и др.). Для этого при партизанских отрядах создавались оперативные чекистские группы, которые, несмотря на отдельные противоречия, «полностью себя оправдали и оказали значительную помощь по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родине» [37, л. 40–41]. Применялись суровые меры вплоть до придания трибуналу командного состава и чисток рядов партизан с применением оружия [39, л. 49]. Кроме того, большое внимание уделялось идейному воспитанию бойцов в ходе политической работы, о сложностях и результатах которой постоянно докладывалось в вышестоящие органы [40, л. 63]. Да и сами командиры отрядов жестко наказывали за грабежи населения. Например, когда «у жены командира местной самообороны Соболева бойцами партизанского отряда им. тов. Ворошилова были сняты сапоги, а сам Соболев разоружен. Комиссар партизанского отряда им. тов. Ворошилова тов. Казанков приказал вернуть сапоги и оружие, а бойцов наказал в административном порядке» [33, л. 2]. Боец Карпов за мародерство был расстрелян (Там же). С.А. Ковпак, воевавший и на Брянщине, «не терпел пьяниц, трусов и мародеров, и поэтому в его отрядах оставались только те люди, которые хотели воевать с врагом и честно с ним сражались» [15]. В итоге это позволяло избежать подрыва основ партизанского движения и преодолеть возникающие в экстремальных условиях негативные явления. В результате целого комплекса мероприятий на разных уровнях партизанского движения количество дисциплинарных проступков неуклонно сокращалось и постепенно исчезали «ранее бывшие аморальные явления, как, например: массовое мародерство, пьянство и другие болезненные явления» [43, л. 29–30].

В то же время ограниченность ресурсов в условиях военного времени приводила к феномену своеобраз-

разного местничества, то есть привязки партизан к определенному району, который становился их продовольственной базой. Как правило, такой зоной была территория, жители которой составляли костяк отряда и хорошо знали друг друга. Они стремились держать этих районов, что хорошо описал один из участников движения Г.Ф. Покровский: «Надо было уходить к южной окраине Брянских лесов, где был простор для оперативного маневрирования... Были и такие, кто прямо говорил: «Нельзя уходить отсюда. Здесь у нас родина!...» [22, с. 149]. В условиях карательных операций и маневрирования партизаны отрывались от своих баз и могли оказаться на территории отдаленного или соседнего района и испытывать трудности со снабжением. Так, оказавшиеся осенью 1942 г. в западных районах Орловской области Навлинские отряды, «оставив свои базы и захватив с собою небольшие запасы продовольствия, а некоторые совершенно не имеют таковых, очутились в тяжелом положении» [41, л. 222]. Это вызывало отчаяние у некоторых бойцов: «Партизанам в лесу подышать с голоду, хлеба мы не добудем, немцы все деревни заняли, на свою Родину никогда, знать, не попадешь» (Там же, л. 270). В этих случаях отдельные бойцы могли прибегать к мародерству. Но разовые акции партизан не шли ни в какое сравнение с постоянными реквизициями в пользу вермахта, который рассматривал Брянщину и другие регионы СССР как базу для снабжения группы армии «Центр». К тому же партизан наказывали за мародерство и самоуправство, а командование вермахта закрывало глаза на подобные действия своих солдат. Партизаны, чтобы достать продовольствие, предпочитали активизировать боевые действия, организовывать, так называемые, хозяйственные операции [4, с. 31–33], чем ссориться с местным населением. В итоге оккупанты не смогли добиться своей цели – подорвать единство партизан и населения.

Провалом завершились и пропагандистские мероприятия немцев против партизан. Оккупанты называли партизан преступными политическими бандитами, носителями жидо-большевизма [45, р. 84], против которого якобы и выступала победоносная немецкая армия, обвиняя большевиков во всех грехах [32]. Но слова не соответствовали делам. Ругая коммунистов и партизан, немцы не предпринимали массовых мер по улучшению положения населения, а производили его планомерное и жестокое уничтожение. Только в условиях поражений от советских войск оккупационные власти пошли на некоторые пропагандистские маневры, организовав в 1942 г. на Брянщине в поселке Локоть «самоуправляющийся округ», образцово-показательную республику, жители которой должны были стать костяком одного из крупнейших коллаборационистских подразделений Русской освободительной народной армии, насчитывающей около 10 тыс. человек [18, с. 104]. Она должна была послужить витриной взаимовыгодных отношений немцев и оккупированного населения. Идиллия, царившая в этом выставочном регионе, достаточно хорошо описана в работах С. Дробязко и И. Ермолова [10; 11; 13]. Но стоит отметить, что при разумной организации хозяйства и боевых действий, партизаны могли добиваться не менее комфортной жизни даже в окружении вра-

жеской армии. Так, в партизанском крае в Навлинском районе был восстановлен колбасный завод, пекарня, слесарные мастерские, поликлиники и амбулатории, аптеки, ветлечебницы, радиоузел, телефонная и почтовая связь, сберкасса [8, с. 172–173]. При этом известны случаи, когда гражданские лица, эвакуированные из партизанского края в глубокий тыл СССР, просились обратно, потому что в тылу им не нравилось [34, л. 137] ввиду тяжелых бытовых условий [1, с. 218–219]. Значительная часть населения понимала, что причиной тяжелой жизни была не политика большевиков или партизан, а действия оккупантов, которые приносили людям различные лишения. Поэтому большинство отказывалось верить вражеской пропаганде, которую легко опровергали как дела немцев, так и контрпропаганда партизан. Партизаны доходчиво показывали сущность гитлеровского режима и объясняли необходимость борьбы с ним с помощью простых и понятных народу пословиц и поговорок. Гитлеровская пропаганда обличалась с помощью таких фразеологизмов, как «Сеют небывицы подлые фрицы», «При советской власти было густо, а пришли фашисты – стало пусто», «Будем жить, как народ указал, а не как Гитлер приказал», «Фашисты собираются из нас соки выжать, а потом со свету выжить», «Фашистские порядки – забирать до последней тряпки», «Фашисты хуже зверей, они не щадят и детей», «Дома – как хочешь, а в Германии – как велют», «В Германии ждут нас не розы, а слезы» и др. [26, с. 33, 38, 42, 45–46, 49].

Партизаны объясняли цели своей борьбы: «У партизан задача ясная – помогать армии Красной», «Прорывай фашистскую оборону – спасай людей от угона» (Там же, с. 28, 42); держали в курсе о международной обстановке с помощью издававшейся в тылу врага «Партизанской правды» [42, л. 226–227]; достаточно емко отмечали слабости оккупантов: «Чем глубже лес – тем хуже для “СС”», «Фрицу метель – могильная постель», «Охоча до вина фашистская сатана», «Фашист крадет, пока партизан не придет», «Фашист до тех пор нахал, пока в плен не попал», «Фашистский мерзавец труслив, как заяц» [26, с. 15, 50, 52, 53, 55]. Партизаны не стеснялись указывать на ошибки, совершенные советским руководством до войны, и обещали, что они будут исправлены [50, р. 281]. Таким образом, простые и доходчивые методы партизанской пропаганды переигрывали ухищрения Геббельса и подтверждались ежедневной практикой, с которой сталкивалось население.

Тем не менее, в литературе отмечается определенное количество случаев коллаборационизма в рядах советских граждан и партизан, которые фиксировались и органами НКВД. Как правило, это происходило в 1941–1942 гг., когда отдельные неустойчивые люди еще не смогли приспособиться к новым условиям и выбирали ту сторону, которая, на их взгляд, побеждала. Такие явления происходили, как правило, «в связи с тяжелой обстановкой, затруднениями с продовольствием и боеприпасами» [40, л. 140]. Так, в октябре 1942 г. из партизанского отряда им. Кирова в полицию перешло более 20 человек (Там же, л. 270), из партизанских отрядов Выгонического района около 62 человек, а из Трубчевского отряда – 9 человек

[41, л. 261–284]. Еще ранее, в июле 1942 г., из Суземских, Трубчевских и Выгонических партизанских отрядов перешло на сторону врага 117 человек [40, л. 135–145]. Правда, большинство неустойчивых бойцов предпочитало просто дезертировать и не связываться с оккупантами. Например, за июль 1942 г. из этих же отрядов дезертировало почти в 3,5 раза больше – около 390 человек (Там же). Люди просто возвращались к мирному крестьянскому образу жизни, рассчитывая отсидеться, например, «в прийомах» [1, с. 159], то есть найти себе дом и супругу среди вдов погибших. Однако были отряды, где таких случаев не наблюдалось, как в партизанском отряде им. Ворошилова, где более чем за полгода тяжелой жизни в 1942 г. не было переходов в полицию [33, л. 73–81]. Более того, уже в 1942 г. наметилась, а по мере роста успехов на фронте в 1943 г. усилилась и обратная тенденция возвращения к партизанам. Так, в Выгонических отрядах в середине 1942 г. было немало «лиц, которые сами ранее служили в полиции, имеют родственников в полиции...» [34, л. 135], которых работники НКВД считали «морально-неустойчивыми, а подчас и чуждыми людьми...» [39, л. 48–49]. Во второй половине 1943 г. Клетнянский партизанский отряд пополнялся главным образом «за счет власовцев и полицейских» [42, л. 204]. В это же время немцы, опасаясь таких переходов, поспешили перебросить Локотскую армию в Белоруссию [18, с. 104]. По всей видимости, как для партизан, так и для полицейских такие переходы были привычным явлением и не всегда считались предательством. Партизанские командиры понимали, что сотрудничество с немцами нередко было насильственным «под угрозой отправки в лагерь» [25, с. 102], и противились мерам ячеек НКВД по преследованию таких бойцов, что иногда приводило к конфликтам и освобождению арестованных из-под стражи или снятию отрядных чекистов с должности [37, л. 40–41]. Как правило, партизаны прекрасно знали, где находились семьи полицейских и других пособников оккупантов, и могли в исключительных случаях в качестве мести применить к ним насилие, вплоть до физического уничтожения [33, л. 53; 40, л. 89–94], что было важным залогом от предательства. Те же, кто добровольно шел на сотрудничество с оккупантами, запятнал себя военными преступлениями, понимали, что им не будет прощения и стремились обезопасить свои семьи [33, л. 53–54]. Такие люди, как правило, в партизанские отряды не переходили. В итоге подразделения, созданные оккупантами из местного населения, не сыграли существенной роли в контрпартизанской борьбе и распались по мере освобождения Брянщины.

Таким образом, и советская, и немецкая стороны в начале боевых действий имели крайне смутное представление об особенностях партизанской борьбы и действовали скорее по наитию. Но постепенно советское руководство народной борьбой методом проб и ошибок в тылу врага совершенствовалось, в то время как качество немецкой контрпартизанской политики падало, все более и более скатываясь к карательным мерам. В этой связи огромную роль играл субъективный фактор – активность, самостоятельность и личные качества как командиров партизанских отрядов и

соединений, так и немецких и коллаборантских начальников, от деятельности которых и зависели успехи контрпартизанской борьбы. И если советские руководители, следуя завету С.А. Ковпака, старались «делать так, как народ хочет» [7, с. 38], то немецкое командование делало ровно наоборот. Вместо гуманного отношения к местному населению, которое при определенных обстоятельствах могло бы разорвать связь партизан с народом, оккупанты предпочли тактику запугивания и репрессий, что в конечном итоге и предопределило их поражение в малой войне на оккупированных территориях. Ни одна из предпринятых мер не достигла своей цели в связи с тем, что серьезный размах партизанского движения не вписывался в военную доктрину вермахта, инструкции, создаваемые ответственными военачальниками, не учитывали практики реальных боевых действий в тылу. Для организации всеобщего охранения и повсеместного создания ягдкоманд не хватало резервов. Карательные операции были только временной мерой, и не достигли цели уничтожения партизан. Нередко они велись по правилам традиционных боевых действий, не учитывали всю сложность и многообразие тактики партизан. Насилие, применяемое оккупантами, только увеличивало число народных мстителей. Подразделения, созданные из коллаборантов, не отличались квалифицированностью и надежностью, поскольку не могли в полной мере действовать против своих вчерашних соседей, знакомых, друзей, а каратели, перебрасываемые из других регионов, плохо владели местной обстановкой. К тому же, несмотря на все неудачи Красной Армии в начале Великой Отечественной войны, уровень общесоветского и традиционного регионального патриотизма населения оккупированных территорий был достаточно высок. В то же время партизанское движение было не только следствием высокой сознательности его участников, но и жизненно необходимым условием выживания, средством пополнения и сохранения материальных запасов. Поэтому наибольшие проблемы для партизан создавали немецкие мероприятия по ухудшению их снабжения, но и они не достигли успеха. Партизаны частично добывали необходимое с помощью активизации боевых действий, частично получали поддержку из советского тыла и от местного населения. Для более эффективного взаимодействия с последним была создана система прикрепления отрядов к отдельным районам, за счет которых они снабжались, обеспечивая защиту их жителей. Немецкие пропагандистские мероприятия не могли иметь успеха ввиду той негативной повседневной практики, с которой сталкивалось советское население в оккупации. Стремление выжить на оккупированной территории и приблизить Победу над врагом оказалось сильнее всей идеологической, военной, политической мощи Третьего рейха.

Литература

1. Андреев В. А. Народная война / В. Андреев. – Ленинград : Лениздат, 1961. – 408 с.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область : сборник документов / ответственные

- редакторы серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева ; ответственный редактор Ж. Л. Розанова ; составитель А. И. Шендик [и др.] ; автор научной статьи В. П. Алексеев ; автор археографического предисловия В. Ф. Блохин. – Москва : Фонд «Связь Эпох», 2020. – 424 с.
3. Боярский, В. И. Партизаны и армия: история утерянных возможностей / В. И. Боярский ; под общей редакцией А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2003. – 304 с.
 4. Брянские партизаны : Боевой рапорт тов. Сталину и воспоминания. – Брянск : Брянский рабочий, 1951. – 209 с.
 5. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 томах. Том II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943) / С. В. Бунин, Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов [и др.]. – Москва : Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. – 328 с.
 6. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. – Москва : Воениздат, 1970. – 632 с.
 7. Вершигора П. П. Люди с чистой совестью / П. Вершигора. – Москва : Военное издательство министерства вооруженных сил Союза ССР, 1946. – 408 с.
 8. Дандыкин, Т. К. Хозяйственно-политическая жизнь в партизанских краях и зонах / Т. К. Дандыкин // Шли на битву партизаны. Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941–43 гг. – Брянск : Приокское книжное издательство, 1972. – С. 172–173.
 9. Диксон Ч. О. Коммунистические партизанские действия / Ч. О. Диксон, О. Гейльбрунн. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1957. – 291 с.
 10. Дробязко, С. И. Локотский автономный округ и Русская освободительная народная армия / С. И. Дробязко. // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941–1945 гг. : сборник статей, документов и воспоминаний. – Москва : Архив РОА, 1998 – Вып. 2. – С. 168–216.
 11. Дробязко, С. Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С. Дробязко, И. Ермолов. – Москва, 2001. – 28 с.
 12. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному собранию от 15 января 2020 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> свободный (дата обращения: 28.09.2022). – Текст : электронный.
 13. Ермолов, И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944 / Игорь Ермолов. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2010. – 383 с.
 14. Залесский, А. И. В партизанских краях и зонах / А. И. Залесский. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 397 с.
 15. Интервью с ветераном ВОВ Цырлин Давид Вольфович. – URL: <https://iremember.ru/memoirs/partizani/tsirlin-david-volfovich/> свободный (дата обращения: 30.09.2023). – Текст : электронный.
 16. Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан. – Москва : АСТ, 2002. – 486 с.
 17. Князьков, А. С. Народная война за линией фронта / А. С. Князьков, А. Ф. Юденков. – Москва : Знание, 1990. – 63 с.
 18. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – Москва : АСТ, 2004. – 483 с.
 19. Литвинова, О. Н. Партизаны и Коммунистическая партия: особенности взаимодействия на оккупированных территориях Брянщины в годы Великой Отечественной войны / О. Н. Литвинова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 2. – С. 57–63.
 20. Материалы научно-практической конференции «60 лет со дня освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков», состоявшейся 11 сентября 2003 г. – Брянск : Ладомир, 2004. – 108 с.
 21. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер. – Москва : Воениздат, 1974. – 386 с.
 22. На земле, в небесах и на море : сборник воспоминаний. Выпуск одиннадцатый / составитель В. М. Уколов. – Москва : Воениздат, 1989. – 448 с.
 23. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 томах – Москва : Юридическая литература, 1991. – Т. 5. – 672 с.
 24. Партизаны Брянщины : сборник документов и материалов. – Брянск : Издательство Брянский рабочий, 1962. – 325 с.
 25. Партизаны Брянщины : сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. – Тула : Приокское книжное издательство, 1970. – 470 с.
 26. Партизанские пословицы и поговорки / составитель П. Ф. Лебедев. – Курск : Книжное издательство, 1958. – 208 с.
 27. Попов, А. Ю. Диверсанты Сталина : Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Попов. – Москва : Яуза, Эксмо, 2004. – 512 с.
 28. Приказ Кейтеля о предоставлении войскам права применять любые средства в борьбе с партизанами и населением, оказывающим им поддержку (16 декабря 1942 г.). – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/51686-prikaz-keytele-o-predostavlenii-voyskam-prava-primenyat-lyubye-sredstva-v-borbe-s-partizanami-i-naseleniem-okazyvayuschim-im-podder> zhku-16-dekabrya-1942-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 свободный (дата обращения: 20.08.2023). – Текст : электронный.
 29. Сабуров, А. Н. Силы неисчислимые / А. Н. Сабуров. – Москва : Воениздат, 1967. – 287 с.
 30. «Совершенно секретно! Только для Командования!» : Стратегия фашистской Германии в войне против СССР : документы и материалы / составитель В. Н. Ржевский. – Москва : Воениздат, 1967. – 450 с.
 31. Типпельскирх, К. История второй мировой войны / К. Типпельскирх. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. – 455 с.
 32. Филоненко, М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой отечественной войны (на материалах Воронежской области. 1942–1943 гг.) : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Филоненко М. И. – Воронеж, 2006. – 202 с.
 33. ЦДНИБО (Центр документации новейшей истории Брянской области). – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 4.
 34. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 6.
 35. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 11.
 36. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 16.
 37. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 28.
 38. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 30.
 39. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 44.
 40. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 45.
 41. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 52.
 42. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 57.
 43. ЦДНИБО. – Ф. П-1650. – Оп. 1. – Д. 244.
 44. Bartov, O. The Eastern Front, 1941–1945. German Troops and Barbarisation of Warfare / Omer Bartov. – New York : Palgrave, 2001. – 218 p.
 45. Blood, Ph. W. Hitler's bandit hunters : the SS and the Nazi occupation of Europe / Philip W. Blood – Washington, D.C. : Potomac Books, 2006 – 401 p.

46. Cooper, M. The Phantom War : The German Struggle against Soviet Partisans, 1941–1944 / Matthew Cooper. – London : Macdonald & Janes, 1979. – 217 p.

47. Hesse, E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle : Studien und Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges : Band 9 / E. Hesse. – Gottingen-Zurich-Frankfurt, 1969. – 292 s.

48. Stopper, S. Das Brjansker Gebiet unter der Besatzungsherrschaft der Wehrmacht 1941 bis 1943 / S. Stopper. – URL: <https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/17412/stopper.pdf> (дата обращения: 28.12.2020). – Текст электронный.

49. Stopper, S. «Die Strasse ist deutsch.» Der sowjetische Partisanenkrieg und seine militärische Effizienz : Eine Fallstudie zur Logistik der Wehrmacht im Brjansker Gebiet April bis Juli 1943 / S. Stopper // Viertel-jahrshefte für Zeitgeschichte, – Bd. 59, – 2011, München : Oldenbourg Verlag. – S. 385–411.

50. Treadgold, D. W. Twentieth Century Russia / D. W. Treadgold. – Boulder-San Francisco-Oxford, 1995. – 498 p.

51. War in a Twilight World: Partisan and Anti-partisan Warfare in Eastern Europe : 1939–45. – New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 277 p.

O.N. Litvinova

**THE PARTISAN MOVEMENT AS AN ESSENTIAL FACTOR OF THE GERMAN POLICY FAILURE
IN THE OCCUPIED TERRITORIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK REGION)**

The article introduces the archival documents and analyses the reasons for the unsuccessful actions of the German administration to suppress the partisan movement in the Bryansk region in 1941–1943. The theses about the forced ruthlessness of the occupiers towards the local population and the latter's loyalty to them are disproved. The main reason for the failure of the German measures was a lack of flexibility of action caused by the misanthropic ideology which the leaders of the antiguerrilla struggle had to adhere to. The emphasis was placed on the unjustified cruelty that manifested itself in all the methods used by the occupiers and the inability to take advantage of the mistakes made by the partisans and their Soviet leaders. The greatest difficulty for the partisan movement was the attempts of the German administration to cut it off from supplies and communications with local residents, while punitive operations, the creation of collaborationist units, Jagdkommandos, propaganda and other activities did not play a significant role.

Great Patriotic War, Bryansk Region, partisan movement, collaboration, antiguerrilla operations, propaganda.